

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2; 303.442.44; 930.2:003

Г. Л. Тульчинский

Символическая презентация прошлого: нарративы, уровни, формы

В статье предлагается систематизация символических презентаций прошлого. Специальное внимание уделяется ситуации, складывающейся в современном цивилизационном опыте.

Ключевые слова: идентичность, историческая память, мифы, нарративные практики, символические презентации.

Tulchinskii G. Symbolic presentation of past: narratives, levels, forms.
The article proposes systematization of the symbolic presentations for past. Special attention is paid to contemporary situation in the civilization experience.

Keywords: identity, historical memory, myths, narrative practices, symbolic presentations.

Бурные споры последнего времени относительно преподавания истории, сохранения исторических памятников, отношения к историческим деятелям давнего и не столь давнего прошлого, оценки содержания художественных произведений, затрагивающих исторические события, стилистики празднования знаменательных и памятных дат — отнюдь не случайны. Все эти темы связаны с презентацией прошлого, формируемой исторической памятью, которая, в свою очередь, является важнейшим фактором консолидации соци-

ума, создания культурной и гражданской идентичности каждого из его членов.

Роль общей исторической памяти социума сродни роли памяти в формировании и самом факте существования индивидуального сознания. Объем и качество памяти — достаточно точные критерии интеллектуального и нравственного развития личности, ее уровня образования и профессиональной подготовки. Сам факт самосознания, свидетельство вменяемости личности выражается в способности вспомнить далекое и недавнее прошлое, имена и даты, собственную биографию, своих близких, отношения с ними, рассказать об этом... Недаром подавляющее большинство практик самопознания (исповеди, дневники, автобиографии, воспоминания, «истории по жизни» и т. п.) так или иначе связаны с практиками воспроизводства памяти, рефлексии над ее содержанием в виде рассказов, дискурсивного развертывания [10; 20; 21]

Так же как без памяти не может быть полноценной вменяемой личности, так и социум невозможен без исторической памяти — общепринятых представлений о прошлом страны, нации, ходе их развития, которые транслируются, обсуждаются в публичном пространстве. Тем самым формируются социально-культурные идентичности, способствуя осознанию общих проблем, целей, консолидируя и мобилизуя представителей различных поколений на достижение этих целей. «Чтобы сформировать... чувство единства с другими людьми, принадлежащими к той же нации, необходимо, чтобы индивид мог отождествлять себя с разворачивающимся во времени нарративом», в котором данной нации «отводится центральная и позитивная роль» [33]. Поэтому в символической презентации ключевую роль играют нарративы (от лат. *narrare* — рассказывать) — языковая, дискурсивная практика повествования, разворачивания событий в некоей осмысленной последовательности, имеющей начало, сюжетику развития и финальную развязку.

Нарративы символической презентации прошлого

Нарративы играют важнейшую роль в формировании обыденного сознания и традиционного знания. Сказки, легенды, хроники, былины, житийные истории, эпос, биографии известных людей фор-

мируют и транслируют представления о происхождении данного социума (рода, племени, нации), важнейших событиях, славят героев, внушают гордость за своих предков, задают образцы нравственного поведения, отличия от соседей и чужеземцев. Тем самым нарративы символизируют действительность, наполняют ее смыслом, задают шаблоны и образцы интерпретации прошлого и настоящего, позволяя позиционировать данный социум, его представителей, выступая эффективным средством формирования, даже конструирования их идентичности [37].

Со временем к традиционным нарративным средствам социализации добавились средства массовой информации, искусства, индустрия развлечений, система образования, гуманитарные науки. Особую роль при этом играет история, которая нередко и формируется, и развивается в качестве нарратологии по преимуществу: конкретный рассказ и заложенная в нем интерпретация [27]. Не случайно именно на примере истории была предложена первая типология символической наррации, развертываемой на трех уровнях: информации, опосредованной воображением историка, собранной им из источников; риторики убеждения аудитории в правдоподобности предложенной смысловой схемы; политико-идеологических установок автора нарратива [38]. Такая схема вполне адекватна и уместна применительно к позиционированию исторического исследования. Однако круг акторов символической наррации существенно шире. В этом процессе активно участвует практически весь политический класс — от высшего государственного руководства до местных депутатов и чиновников, ведущих журналистов и экспертов. Выступления и программы, нормативные акты, государственная символика, официальные ритуалы, церемонии, содержание учебников и учебных программ, памятные даты и праздники — далеко не полный перечень целенаправленного использования символической политики. Важную роль играют СМИ, житейский опыт, практики и коммуникации: от раннего детства и семейного общения до фольклора и межличностных коммуникаций в быту, коммуникаций на работе и в свободное время.

К роли этих «групп влияния» мы еще вернемся, а пока стоит отметить, что с учетом этой многофакторности и многоакторности практик презентации (трансляции) символического содержания

наррация предстает системой, реализующейся как минимум на трех уровнях [22]:

1. Демонстрация, череда событий, персонажей, документов, артефактов, формирующие фактологическую базу.

2. Агрегация этих фактов в хронологические и каузальные связи, образующие основу сюжетики.

3. Толкование этого целого, рефлексия над ним, выявляющая направленность процесса развития к финалу как «точке сборки» нарратива, раскрывающей смысл, а иногда и замысел происходившего.

Для пояснения можно использовать аналогию с нарративом кинотекста, также реализующегося на трех уровнях. Во-первых, как просто череда образов и сцен, формирующая узнавание, идентификацию (типичная нарративность видового, домашнего, иногда документального кино, сюжетов Facebook, Instagram). Во-вторых, как монтаж этих сцен, выстраивающий последовательность, сюжет как пазл, в котором могут быть каузальные нестыковки целого. И в-третьих, это нарратив в духе итогового рассказа Э. Пуаро или мисс Марпл в финале, достраивающего осмысление до выявления мотиваций персонажей, их ответственности за происшедшее. Иногда такую роль играет закадровый голос главного героя или автора. В иных случаях функцию толкования выполняет сама публика (зрители, критики, журналисты).

Подобно кинотексту, символическая наррация также не всегда реализуется на всех трех уровнях; однако для полноты осмысления необходим третий уровень. Именно наличие определенного изначально известного нарратору завершения приводит все сюжетные линии к одному смысловому фокусу. Поэтому очередной этап развития общества ведет к «сдвигу финала», открывая двери перманентному реформированию смысловой картины.

О некотором совпадении с моделью Е. Топольски, однако, можно говорить только относительно первого уровня — эмпирической фактологии. Второй уровень в нашей модели не сводится к риторическим приемам убеждения. Это именно смысловое построение, суть которого состоит в выработке объяснения как выявления детерминаций, причинно-следственных связей, каузальности. Третий уровень тоже строит объяснение, но уже не каузальности («почему?»),

а телеологичности, целесообразности («зачем?») — он предполагает выявление некоего замысла, целей, намерений, мотивации, порождающей или использующей каузальность. Более того, существует и обратная связь: уже на фактологическом уровне явным или неявным образом, но участвует нарратив третьего уровня, сказываясь на самом отборе фактов, критериях такого отбора, включая даже само их распознавание.

Конечно, для исследования практик символической презентации важно понимать ее многоуровневость, явное или неявное присутствие нарратива третьего уровня. Однако простого различения уровней наррации, возможностей их взаимодействия и сочетания недостаточно. Важно различать также сами способы и группы способов наррации на каждом из уровней.

Содержание символических презентаций прошлого

Семантика предъявляемых и транслируемых символических презентаций прошлого изучена давно и хорошо. Важно, что такое содержание формируется не произвольно. Для его формирования, развития, наращивания необходимы устойчивые смысловые и знаковые структуры, обеспечивающие кумулятивное приращение символических нарративов. Речь идет о мифах — фундаментальных метафорах, с помощью которых новое неизвестное уподобляется знакомому, делая непонятное понятным. Прирост знания, переход от незнания к знанию обеспечивается именно с помощью систематического уподобления, «зашнуровывающего» неизвестное с помощью известного [8; 23]. В принципе такие метафоры лежат в основе любого научного понятия (поле, сила, частица, напряжение, черные дыры, абсолютно твердое тело и др.). В этом плане с полным основанием можно говорить о научной мифологии.

Миф как инструмент осмысления человеком действительности, с помощью которого действительность структурируется, снимает неопределенность, неизвестность, — в этом смысле он то, что стоит за реальностью, делая реальность реальной, понятной, осмысленной. Будучи эмоционально окрашенными нарративами, редуцирующие действительность к удобным для восприятия образам, стереотипам, мифы задают устойчивые схемы (рамки, фреймы) воспри-

ятия, понимания и репрезентации действительности [14]. Человек как существо конечное в пространстве и во времени не может жить в неупорядоченном мире, парализующем отсутствием ориентиров, непредсказуемостью, иллюзорностью, — он стремится найти некую структуру, порядок, устойчивость, закон, смысл, постоянно наполняя окружающий мир смыслами. Именно в этом заключена роль любой мифологии (обыденной, религиозной, политической, научной), задающей метареальность, открывающую человеку «бóльшую реальность, чем сама реальность».

Только осмысленный мир существует реально, имеет подлинное бытие, которого так жаждет человек. Каждый социум существует внутри своей системы мифов вне зависимости от того, сознается это или нет. Этнографами был неоднократно и на разном материале зафиксирован факт, когда разрушение культовых объектов и сооружений вело к тяжелой депрессии, охватывавшей все племя [31, с. 17]. А в ситуации неопределенности возникает обостренный запрос на миф, восстанавливающий связность, понятность и осмысленность действительности, происходящего.

Существует великое множество концепций, теорий мифа и мифологического сознания. Не меньше и попыток их систематизации, теоретических интерпретаций самих таких систематизаций [36]. Для нашего рассмотрения важно, что мифология постиндустриального общества массового потребления выстроена радикально иначе, чем в традиционной культуре, ищущей трансцендентное обоснование реальности в «иерофании» сакрального. Это культура мифа «здесь и сейчас» — едва ли не первая в истории человечества культурная формация, лишенная какой бы то ни было апофатичности, а полностью и исключительно катафатичная [26]. Однако миф, как и транслирующее его общественное мнение, остается условием осмысления действительности, определяющим понимание, оценки, мотивацию, решения, поступки. Тем самым мифическое сохраняет свою роль. Сохраняется и типовой набор мифов, используемых в символической политике в качестве смысловых фреймов наррации. Укажем основные:

Миф основания — история о начале данного социума, оттуда «есть пошла наша земля». Вокруг этого мифа может идти нешуточная политическая борьба. Так, исторической колыбелью армянско-

го народа и его культуры является Арцах, тогда как колыбелью азербайджанского этноса является Араратская долина. Исторической родиной сербского этноса является Косово. А сколько интифад начиналось в Израиле из-за мусульманских святынь на Храмовой горе — святыне иудеев и отчасти христиан тоже!

Миф происхождения — непосредственно примыкающая к мифу основания история об историческом моменте, с которого начинается отсчет истории социума. Так, в советской школе учебники отечественной истории начинались с государства Урарту, про которое нынешние школьники не знают ничего, полагая, что Русь началась с крещения Владимира — великого князя киевского. Правда, на эту точку отсчета претендует теперь и Украина.

Главными персонажами исторического мифа являются прежде всего *«отцы-основатели»*, *исторические деятели*, сыгравшие ключевую роль в формировании и развитии этноса. К ним примыкают *герои*, которым мы обязаны своим существованием и которые являются образцами нравственного и поведенческого подражания. В «Пантеон» исторической наррации входят также деятели культуры, искусства, замечательные труженики, спортсмены.

События, важнейшие в истории. Среди них особую роль играет «великая-историческая-победа-над-смертельным-врагом». В случае крупного конфликта срабатывает его структурирование по модели «Герой — Враг — Жертва». Герой борется с Врагом, чтобы спасти Жертву, а сама Жертва может предстать в двух ипостасях: как victim — жертва-от-чего (кого)-то, и как sacrifice — жертва-во-имя-чего(кого)-то [30, с. 349—353; 32, с. 228].

С такими событиями связываются *места*, а также *даты*, позволяющие праздновать эти события, отмечать их юбилеи, приобщаться к ним.

Перечень мифологем исторической наррации дополняют изделия рук человеческих — как предмет особой гордости: от артефактов традиционных и этнографических искусств и ремесел до достижений современной технологии. В принципе мифологический «контент» достаточно стандартен и хорошо известен этнографам, специалистам по культурной идентичности и туристическому легендированию и брендингу стран и регионов [29].

Формы символической презентации прошлого

Специального внимания заслуживает систематизация форм символической презентации. Наиболее очевидны они на втором и третьем уровнях наррации, когда речь идет именно об интерпретационных (герменевтических) практиках истолкования. Разные исследователи уделяют им разное внимание, делая акцент на учебниках и учебных программах [5], литературе, других видах искусства [32], традициях, массовых мероприятиях, ритуалах, праздниках [35], прессе и других медиа, публичных спорах специалистов и журналистов [1]. По выражению А. Эткинда, они образуют «мягкую» (*software*) форму презентации, в отличие от «жестких» (*hardware*) форм такой презентации, к которым он относит музеефикацию, монументы, мемориалы, памятные знаки, архитектурные памятники, места исторических событий, связанные с жизнью замечательных людей [32, с. 225—228].

Тот же автор справедливо подчеркивает особую роль «жестких» форм презентации, задающих ориентиры в пространстве страны, регионов и поселений — маркеры привязки презентаций и нарративов к реальному чувственному опыту [11]. Действительно, любая мифология не только повествует, но и предполагает выходы мифического в мир с помощью специальных практик презентации, реализующих сопричастность мифическому: ритуалы, празднования, церемонии, реконструкции, инсталляции, перформансы, хэппенинги, игры. Поэтому представляется важным дополнить типологию А. Эткинда третьей формой — *хронотопом, событиями (special events)*, происходящими в специальное время в специальных местах и обеспечивающими возможность практической сопричастности — вплоть до интерактивных телесных практик [4].

Показательно, что выделенные три формы презентации символического («мягкая» — интерпретационная, «жесткая» — материализованная в объектах, и «хронотопная» — событийная) в принципе соответствуют трем кантовским априорным формам чувственности: пространству, времени и разуму, выступающим рамками, условиями самой возможности фактичности, распознавания чего-то в качестве факта и ориентации в окружающем мире. В этом ракурсе теория и практика символической презентации прошлого обретают перспективу серьезного эпистемического, антропологического и онтологического основания.

Историческая память и роль практик забвения

В практиках символической презентации прошлого преимущественное внимание уделяется успехам, героизму и другим предметам гордости. Однако историческая память не может не включать в себя и трагедии, пережитые социумом горе, беду, ужас. Речь идет о темах печали, возможно — стыда, а то и того, что хотелось бы забыть, не думая о плохом. Будучи не включенными в историческую память, не осмысленные ею, эти темы образуют незалеченные травмы общественного сознания, его «невротичность», обусловленную невозможностью дистанцироваться от прошлого, зафиксировать его, уверенно жить дальше. Такое прошлое постоянно присутствует, вызывая навязчивые повторы.

Ярким примером такой невротичности является современное российское общественное сознание с его патологией незалеченных исторических травм, неопределенностью отношения к прошлому — как давнему, так и новейшему. Это проявляется не только на уровне искусства и СМИ, в радикальных пересмотрах учебников и учебных программ, но и в переименованиях городов и улиц, разрушении памятников, охранных зон, даже на уровне вынужденно замалчиваемых тем семейной памяти. В не столь давнем советском прошлом дело доходило до уничтожения и фальсификации документов — например, дат и причин смерти репрессированных.

Люди живут рядом, на той же территории, но у них нет ясного отношения к прошлому, его понимания, нет памяти общего страдания и освобождения от него. Каждая этническая, конфессиональная, профессиональная, политическая социальная группа культивирует свои версии прошлого, что приводит к идеологическим «войнам памяти», которые, в свою очередь, порождают новые и новые интерпретации. В результате прошлое оказывается не изжитым. Оно длится в настоящем, порождая страх возвращения, страх перед будущим. Прошлое сливается с будущим, парализуя настоящее [32, с. 66]. На материале истории армянского и еврейского народов была показана роль в их исторической памяти Великой жертвы, грандиозной трагедии, причиненной Страшным врагом, сплотившей каждый из этих народов [24]. Речь идет о геноциде как мощном факторе формирования национального самосознания. Возможно, этот пример объясняет и некоторые пробле-

мы с формированием российского самосознания и идентичности. Так, образ Великого врага в отечественной истории носит «блуждающий», несфокусированный характер. Более того, вчерашний враг неоднократно становился другом, и наоборот. В образе такого друга/врага побывали Германия, Франция, Австрия, Англия, США, евреи, «лица кавказской национальности»... Проблема и с Великой жертвой. Точнее, сама эта Жертва была, и неоднократно... Татаро-монгольское иго — это жертва, принесенная во имя защиты европейских народов, или это был синтез Руси и Орды? Великая Отечественная война — несомненно, Великая жертва, великая Победа народа, присвоенная режимом... Большевицкая революция, Гражданская война, советский эксперимент, сталинский террор — Великая жертва. Но и тут возникают проблемы с ее осмыслением: во имя чего и кому она принесена.

В этой связи представляется важным различать в мемориальной культуре две логики: (А) память триумфов, побед, и (В) память скорби, беды, жертв. Во втором случае речь может идти о различных практиках.

Это могут быть практики забвения, замалчивания, что, как уже говорилось выше, вряд ли может рассматриваться как решение конструктивное и дальновидное. С ходом истории, а то и в современности будут найдены артефакты, свидетельства, порождающие недоверие и конфликты.

Это могут быть исторические и социологические исследования, переводящие соответствующие темы в плоскость научного анализа, объяснения с последующим «архивированием» этой памяти, изживанием прошлого на уровне научного осмысления, что не исключает, а даже предполагает включение результатов такого осмысления в учебные программы достаточно высокого уровня.

Наконец, это могут быть символические презентации этой памяти, или связанные с глубокой рефлексией (сознательной скорбью и печалью), или без такой рефлексии (как просто нечто достойное сожаления) [17].

Сказанное можно пояснить с помощью предложенной Х. Уайтом, К. Берком и продолженной В. Цымбурским модели выстраивания исторической наррации в соответствии с комическим и трагическим жанрами [30]. Немного модифицировав модель, можно говорить о

четырех возможных «жанрах» презентации исторической памяти, в зависимости от двух пар их характеристик — презентации победы (торжества) или поражения (неудачи), которые подаются либо как сопричастность (идентичность) с данным содержанием, либо отстраненно как чуждое:

- презентация радости и восхищения героизмом победителей врага, оказавшегося несостоятельным;
- сатира и фарс по поводу «отравленной удачи», неизбежности расплаты за временный чужой успех;
- скорбь, осмысление жертвы «ради», героизм мученичества;
- трагизм перед лицом рока, бессмысленного распада и хаоса.

Данная модель помимо прочего позволяет отразить принципиально важное, но неосмысленное до сих пор в российской исторической памяти различие в содержании «великой-исторической-победы-над-смертельным-врагом». Речь идет о структурировании Победы по модели «Герой — Враг — Жертва».

Эта модель представляется чрезвычайно перспективной для анализа наррации третьего и отчасти второго уровней. Однако в рамках данного рассмотрения важным представляется акцент на новых цивилизационных возможностях символической презентации, открывающихся на всех уровнях наррации.

Диахрония символических презентаций прошлого

Современные информационно-коммуникативные технологии порождают неоднозначные ситуации восприятия и достоверности на каждом из этих уровней. В первую очередь это относится к фактологическому уровню. В обществе модерна человек все меньше готов верить в подлинность того, что отличается от привычного ему. Доверие собственному восприятию вытеснило доверие умозрительным концепциям, преданиям, легендам, религиозным текстам. Однако такое секуляристское «разволшебствование мира» рано или поздно порождает дефицит массово мыслимого достоверным, потребность в обретении доподлинно настоящего, данного в восприятии (прежде всего визуально): мимесиса и предметности в искусстве, фактологических (протокольных) описаний в экспериментальной науке уже оказывается недостаточно.

Такие возможности открывают новые технологии запечатления окружающей действительности, прежде всего экранные формы, вариации которых получили развитие, начиная с фотографии и кино, и множатся благодаря компьютерным технологиям, интернету и мобильной связи: FaceBook, Instagram, YouTube, фотосессии, селфи... Полная и преумноженная запечатленность реальности. Мир фактуризирующейся и фрактализирующейся реальности с документальной подпиткой мифотворчества. Документальность понимается как собственно правда жизни и реальности, как гарант достоверности отображения действительности и истории. При этом произвольный монтаж этих осколков реальности предстает как погружение в достоверность и углубление ее понимания. В современном кинематографе, на ТВ и в других СМИ, как традиционных, так и сетевых, немало такого рода «удостоверяющих» жанров: репортаж, хроника, интервью, документальное кино, документальная драма, историческая реконструкция, мокьюментори, семидокумьентори, реалити-шоу [18]. В ход идут фото- и видеоматериалы неважно какого происхождения, компьютерное моделирование, костюмированные реконструкции.

Немаловажно и то, что массовое общество в сочетании с интенсификацией коммуникации имеет следствием глубокую вовлеченность практически всего населения земли в происходящее на планете — если не непосредственно, то через СМИ, через web 2.0. и web 3.0. Фотография, кино, медиа — особенно телевидение и интернет — визуализируют происходящее в разных концах мира, позволяя чувствовать себя виртуальным участником войн, революций, перекраивания границ, катастроф, массовых убийств, этнических чисток.

Это делает современные технологии символической наррации чрезвычайно удобными для политических режимов в идеологическом обосновании и оправдании их действий и даже легитимности [34]. Нарративы символической политики при должной настойчивости и последовательности элиты рано или поздно становятся частью актуальной картины мира, если не нынешнего поколения, то следующего: при наличии политической воли и социальной базы в лице пассионарного меньшинства, при нынешних средствах коммуникации это происходит стремительно, буквально на глазах [19]. Такое впечатление легкости, однако, довольно обманчиво.

Символические наррации транслируются не только на различных уровнях и в различных формах, но и в разных символических пространствах («полях») с различным временным лагом возможных изменений содержания, что в конечном счете и определяет результаты символической политики. Одно дело — динамичная презентация символических нарративов в СМИ, транслирующих реакцию политического класса на текущие проблемы, интерпретацию этих проблем, их источники и возможные решения. Другое дело — нарративы, транслируемые системой образования, которая инерционна по самой своей природе, а попытки в образовании угнаться за динамикой медийных трансляций чреваты сбоями и противоречиями — иногда трагикомичными. Но в обществе существуют и еще более инерционные, довольно устойчивые режимы трансляции и воспроизводства мифологии. И с этими «режимами» символической презентации работают разные акторы.

Как уже отмечалось, главными акторами символической политики являются элиты, располагающие символическим и паблицитным (известностью и узнаваемостью) капиталами, авторитеты общественного мнения, имеющие доступ к медийным ресурсам: политики, журналисты, религиозные деятели, публичные интеллектуалы, гуманитарии, деятели искусства. Именно они обеспечивают наиболее динамичный режим символической презентации — прежде всего на третьем уровне его наррации.

Тем не менее нельзя отрицать относительную устойчивость того, что К. Юнг называл «архетипическим» — мифофреймами, возникшими на заре антропогенеза. Между архетипами и современными мифами лежит пласт традиционной культуральной мифологии, отражающей и выражающей исторический опыт народов. Это не пресловутая ментальность, а именно ценностно-нормативное содержание исторического опыта, образующего культурный код, обладающий большой исторической инерцией воспроизводства. Именно он сказывается в проблемах класса «культура тоже имеет значение» [7; 28] или «культура как ресурс и барьер модернизации».

Воспроизводство ценностно-нормативного содержания конкретной культуры осуществляется в узком кругу тех, кто участвует в формировании этнического и кланового самосознания. Это семья,

родные, близкие, друзья — акторы «сплывающего доверия» [3], радиус которого меньше, чем у институционального доверия, «наводящего мосты», но более значим для базовой идентичности личности. И такая мифология является более долговременной, устойчивой, инерционной, чем транслируемая медийными средствами символической политики.

Промежуточную позицию между относительно устойчивой, инерционной мифологией и динамичностью медийной символической политики занимают нарративы, транслируемые системой образования, подвижность которой относительно ограничена.

Конечно, СМИ играют свою роль, особенно телевидение, которое в фильмах, сериалах, ток-шоу моделирует реакцию на события, погружая их в бытовые ситуации, дискурсию известных узнаваемых людей. Важнейшую роль выполняют при этом новости, сам отбор которых, комментарии, интонации транслируют, визуализируют символические нарративы. В XX столетии к средствам массовой мобилизации общественного сознания добавился спорт. Победы страны на эстрадных подмостках и спортивных аренах граждане видят по телевизору и — исполняются гордости. Затем на том же телеэкране им показывают другую победу, одержанную в ходе военной операции, которая (в телевизоре же) выглядела как еще одно успешное выступление наших в такой красивой форме — *military style*. «Война кажется телерепортажем, а то и компьютерной игрой, где у нас в запасе 10 жизней» [9].

Если человек, сформировавшийся в книжной культуре линейного чтения, выстраивания нарративов, прослеживания сюжетных линий, способен понимать достаточно сложные смысловые построения, то человек экранной цифровой культуры оперирует только смыслами «твиттерного» формата и не может работать со сложными знаковыми и смысловыми структурами. Источники информации воспринимаются им как блюда на «шведском столе», с которого он набирает произвольные наборы по своему усмотрению.

В мозаичном, клиповом сознании мифология и выражающие ее нарративы менее устойчивы, осмысление оказывается неглубоким и «коротким», не способным на «длинные мысли». Такое сознание оказывается не способным не только на выявление причинно-следственных связей, но и на простое прослеживание хроникальной по-

следовательности событий. Прошлое каждый раз перевоссоздается как новое — под сиюминутное настоящее.

Такое сознание, имеющее дело с реальностью в духе телевизионного zapping'a, если и способно к эмпатии, то непродолжительной, неустойчивой, вспышками приходящей и быстро уходящей, забываемой. Социализация заведомо оказывается неполной. Недаром в электронных социальных сетях образуются видимости сообществ, между которыми доминируют негативные агрессивные отношения. И в какой-то момент идеократия может оказаться неспособной управлять политическим стебом, подогреваемым из своих же кабинетов [16].

Тенденции накопления различных интерпретаций усиливаются процессами демократизации, доступности информации, что делает возможным не только широкий диалог, но и артикуляцию различных версий, их оценок. Тем самым активируются, стимулируются процессы формирования этнического, расового, конфессионального, гендерного самосознания, которые, в свою очередь, усиливают наращивание различных нарративов. Получается система с положительной обратной связью по дифференциации и дивергенции форм группового сознания, идентичностей. Культивирование эклектизма мультикультуральности и толерантности уже привело не столько к созданию некоего нового единства, сколько к нарастанию многовекторного конфликтного разнообразия — в Европе, Азии, Америке.

В этой связи небезосновательными выглядят характерные для начала XXI столетия оценки происходящего как «конца идеологий», распада «больших нарративов», определявших политическую картину мира на протяжении XIX—XX столетий [6]. Это подтверждают и результаты попыток выработки «национальной идеи» России, ставшие притчей во языцех. Ускоренный режим презентаций в символической политике чреват неоднозначными последствиями.

Так, в России с начала 2000-х установился курс на построение и продвижение официального нарратива «тысячелетней России» (в любую эпоху и в любых границах) как особой цивилизации, что потребовало соединения трех ценностно-символических комплексов: дореволюционного, советского и постсоветского [12, с. 175—184]. Такая принципиальная эклектика (сочетание в геральдике и другой государственной символике наследия царской России и СССР; празднование советских, досоветских и постсоветских праздников;

использование наград и регалий различных эпох и т. п.) развязывала руки для маневрирования, построения удобных нарративов, удовлетворявших соответствующие возрастные, этнические, профессиональные группы населения.

В результате возникли разрывы между уровнями и формами символической презентации прошлого. Идея возвращения памятника Дзержинскому на Лубянку обсуждалась на серьезном уровне, и московские коммунисты, собрав необходимое количество подписей, решили пока отложить инициирование референдума за восстановление памятника. При этом в Москве до сих пор нет памятника жертвам сталинских репрессий, точнее, на той же Лубянке лежит солонецкий камень, а идея полномасштабного памятника пока вылилась только в конкурс, наконец-то проведенный осенью 2015 года. В Грозном в 1992-м поставили памятник жертвам репрессий, но в 2008-м он был перенесен из центра на окраину, а инициатива создания памятника Н. С. Хрущеву как «освободителю чеченского народа» сошла на нет. Излишняя динамика сказывается на «жестких» формах, приводя к переименованиям улиц, городов, разрушению памятников, что вступает в достаточно острое противоречие с долговременной культурной памятью. Все это показывает, что для внятной символической политики пригоден не всякий исторический материал, даже, на первый взгляд, достаточно убедительный.

В 2014 году в связи со столетием начала Первой мировой войны была предпринята добросовестная попытка вернуть эту великую драму, ключевую для понимания истории XX века, в актуальную символическую политику. По стране прокатилась волна социальной рекламы, были сняты фильмы, поставлены спектакли, прошла серия специальных событий, тематических мероприятий, были воздвигнуты монументы в память безымянных героев. Но существенного, серьезного общественного резонанса эта символическая презентация важнейшей и трагической страницы отечественной истории не вызвала. Думается, по причине затруднения выстроить нарратив третьего уровня — вписать тему Первой мировой в контекст мифа Тысячелетнего Государства России, государственной идеологии с акцентом на порядок, силу, властную вертикаль. В той войне не было недостатка в массовой самоотверженности, солдатском героизме, подвигах, талантливейших полководцах... Но не только не было

победы, а само российское государство рухнуло. И даже возникновение в результате этой катастрофы и гражданской войны новой советской империи не компенсирует этого главного несоответствия. На фоне активного формирования государственнического нарратива уже мало актуальна и запоздалая идея примирения «красных» и «белых» [19].

В 2015 году в России появился официальный документ, в котором перечислены традиционные духовно-нравственные ценности страны. Распоряжением Правительства РФ Федерации № 996-р от 29.05.2015 утверждена стратегия воспитания в РФ до 2025 года. «Стратегия опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, таких как человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством», — говорится в документе. Кроме того, в одном из разделов стратегии говорится о «развитии в детской среде ответственности, принципов коллективизма и социальной солидарности» [15].

Тем не менее до сих пор остается нерешенным главный вопрос о культурном позиционировании России в системе координат Восток — Запад. Трудности с продвижением модернизационных реформ и недостаток признания со стороны условного Запада, очевидная неспособность отвечать западным стандартам в политике, правовой культуре и экономике подтолкнули российскую элиту навстречу давно созревавшему запросу «жить своей жизнью». При этом необходимость сохранять и поддерживать международный статус, межгосударственные отношения, включенность в мировую экономику вынуждают поддерживать хотя бы формальную видимость свободы, демократии, прав человека и т. д. Между уровнями символической презентации, реализующимися в разном режиме, не складывается полноценная связная коммуникация. В терминологии, предложенной в свое время А. С. Ахиезером [2], это оставляет Россию в пространстве маятниковых инверсивных шараханий, вновь делая актуальной проблему выработки медиативного пути [13].

Такие конфликты «памятей» начинают принимать международный характер. И дело уже не столько в «конflikте культур» в духе С. Хантингтона, который сам по себе стал опытом нарративной ре-

конструкции, сколько в реалиях «проснувшегося ислама», довольно неожиданном всплеске православного фундаментализма в России, не объяснимого исключительно практикой пропагандистского манипулирования.

Всплески антимодернизационных настроений широкой общественности в таких странах, как Алжир, Мексика, Турция, Россия, где относительно малочисленная элита разделяет и транслирует новые смыслы и ценности постиндустриального общества, тогда как собственно многочисленное население руководствуется памятью культурной традиции, — наглядные тому примеры. Пример России в этом плане особенно примечателен. В стране за полтора столетия не только радикально, но и по историческим меркам — мгновенно менялась собственность, каждый новый политический режим начинал с отрицания сделанного предыдущим. Символические нарративы менялись настолько быстро и кардинально (с переписыванием учебников, переименованием улиц и городов, выносом трупов), что к их сменам выработался не только иммунитет, но уже, похоже, и идиосинкразия.

Не исключено, что нестыковки между обеспеченным традиционным мифическим содержанием сознанием и современной, непрерывно меняющейся, склонной к дивергенции мифологией перерастают в противоречие. Похоже, мы вступаем в разгорающийся конфликт между двумя типами мифологий и символизаций. Речь идет о нуждающемся в осмыслении запросе на нарратацию третьего уровня, выходящую за пределы сиюминутного политического контекста. Уже в последнее десятилетие XX столетия ситуация технологически (Интернет), политически (кризис либерализма), социально (расслоение и радикализация среднего класса), культурально (активизация фундаментализма) стала переформатироваться. Активно формируется социально-культурная и технологическая платформа для смены политических реалий.

Поэтому важна упорядоченная, систематическая коммуникация, в несколько этапов (по мере интенсивности социальной коммуникации и ее организационных форм), ведущая к закреплению традиций — вплоть до их полной институционализации в организационно-правовые формы, воплощения в материальной среде [25]. Такие стадии проходят любые ценностно-нормативные системы — не

только в политике, но и в бизнесе, науке, искусстве, религии. Также и формирование повестки дня в символической политике должно своевременно дополняться созданием инфраструктуры для воплощения транслируемых смыслов, образов, когда коммуникация дополняется материальными артефактами (hardware) и событиями, в которых смыслы оседают новым культурным слоем для последующих поколений, входят в их образ жизни.

Таким образом, проведенное рассмотрение позволяет существенно обогатить палитру содержания символических презентаций прошлого, реализовывать их как в «мягких» интерпретациях, так и в «жестких» меморизациях, а также событийных формах, более систематически.

Особенно перспективными представляются исследования ди-ахронического плана, которые могут уточнить соотношение динамичных медийных презентаций с долговременной культурной памятью и нарративами, транслируемыми в образовательных программах, сфере искусства.

* * *

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

3. Веселов Ю. В. Доверие и справедливость. Моральные основания современного экономического общества. М.: Аспект-Пресс, 2011.

4. Герасимов С. В. Массовые праздники и социальное партнерство. СПб: Алетейя, 2016.

5. Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: НЛО, 2012.

6. Копосов Н. Е. Исторические понятия о мире без будущего // Как мы пишем историю? / отв. ред. Г. Гарета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 57—93.

7. Культура имеет значение / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: МШПИ, 2002.

8. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004.

9. Левинсон А. Война как спорт на ТВ // Ведомости. 28.04.2015. № 3821. С. 6.
10. Личность как автопроект // Философские науки. 2009. № 9. С. 5—78; № 10. С. 5—71.
11. Лопатина С., Тульчинский Г. Публичные пространства в обществе массового потребления: гражданский и политический потенциал // Топография популярной культуры / ред.-сост. А. Розенхольм, И. Савкина. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 285—302.
12. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015.
13. Медиация как социокультурное явление // Философские науки. 2013. № 11. С. 34—52; № 12. С. 51—70; 2014. № 1. С. 58—72; № 2. С. 39—62; № 3. С. 64—83; № 4. С. 64—84; №5. С. 132—149.
14. Неклюдов С. Миф всему голова. 7 фактов о роли мифа в истории культуры и мифотворчестве в современном мире. URL: postnauka.ru/faq/6599 (дата посещения: 19.12.2015).
15. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р. URL: <http://government.ru/docs/18312/> (дата посещения 12.02.2016).
16. Рубцов А. Дым с огнем, или Поражение конспирологии. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/03/12/metafizika-vlasti-dim-s-ognem>. (дата посещения: 22.11.2015).
17. Рубцова О. В. Триумфальное и травматическое внутри городских практик меморизации: анализ постсоветского опыта // Патриотизм, гражданственность, национализм: политические концепты в массовой культуре. Пермь: ПГГПУ, 2015. С. 40—42.
18. Сальникова Е. В. Докумиф, или Погоня за реальностью // Наука телевидения: Научный альманах. М.: ГИИ, 2014. Вып. 11. С. 48—84.
19. Сидоров А. История в стиле лего. Зачем нам памятники и что с ними делать. URL: <http://lenta.ru/columns/2015/07/04/monuments/> (дата посещения: 06.10, 2015).
20. Скриптизация: откровение, укрывание и вменение бытия // Философские науки. 2008. № 8. С. 25—145; № 9. С. 80—93;
21. Тульчинский Г. Л. Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации. СПб: Алетейя, 2007.
22. Тульчинский Г. Л. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. 2015. № 5. С. 24—33.

23. Тульчинский Г. Л. Развитие знания: зашнуровывающая метафора и модели // Философия и методология науки. СПб., 1995. С. 72—75.

24. Тульчинский Г. Л. Роль геноцида в национальном самосознании // Геноцид в исторической памяти народов и информационных войнах современности. М.: Ключ-С (Библиотека института «Справедливый мир»), 2015. С. 154—167.

25. Тульчинский Г. Л. Этапы политической институционализации: от идеи к институту // Политические институты в современном мире. СПб.: Аллегро, 2010. С. 358—360.

26. Тульчинский Г. Л. Total branding. Мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013.

27. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002.

28. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2014.

29. Ширинкин П. С. Туристское легендирование: Региональные аспекты. Пермь: Пермск. гос. акад. искусства и культуры, 2014.

30. Цымбурский В. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011.

31. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994.

32. Эткинд А. Кривое горе. Повесть о непогребенных. М.: НЛО, 2016. С. 225—228.

33. Bell Duncan S. A. Mythscapes: memory, mythology, and national identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54, No. 1. Pp. 63—81.

34. Gill G. Symbolism and Regime Change in Russia. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.

35. The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbaum and T. Ranger. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983 etc.

36. Segal R. A. Theorizing About Myth. Amherst, Boston: University of Massachusetts Press, 1999.

37. Sommers M. R. The Narrative Constitution of Identity: a Relational and Network Approach // Theory and Society. Dordrecht, 1994. Vol. 23. No. 5. P. 606—649.

38. Topolski E. The Role of Logic and Aesthetic in Constructing Narrative Wholes in Historiography // History and Theory. Middletown (CT, USA). 1999. Vol. 38. No. 2. P. 198—210.